Андрей РАНЧИН



Гаврила Державин – поэт и государственный служащий

Журнал начинает публикацию серии статей Андрея Михайловича Ранчина, посвященную русским писателям и поэтам, состоявшим на службе дореволюционной России.

Специалист по истории русской литературы и культуры, доктор филологических наук, профессор Андрей Ранчин – автор семи монографий (одна из них вышла в Германии); двух учебно-методических изданий, 550 научных статей по истории русской литературы, в том числе опубликованных в крупнейших международных журналах по славистике: «Russian Literature» (Нидерланды), «Russian Studies» (Южная Корея), «Slavia Orientalis» (Польша).

Читал курсы лекций в Стэнфордском университете (США, 1995) в Университете Любляны (Словения, 2007), в Сеульском национальном университета (Южная Корея, 2008, 2010); в Университете Коперника (Польша, 2008).

Он принимал участие в международных научных конференций в университетах Великобритании, США, Южной Кореи, Польши, Болгарии, Хорватии, Латвии, Эстонии.

Член редколлегии международного журнала «Slavia Orientalis» (Польша).

Редактор научных изданий «Нового литературного обозрения».

Лауреат премии имени Юрия Тынянова (2004), премии журнала «Новый мир» (2013).

Гаврила Державин – первый поэт в истории России, занимавший высокие государственные посты. Его гражданская служба пришлась на годы царствования Екатерины II (1762–1796), Павла I (1796–1801) и на первые три года правления Александра I, взошедшего на престол в 1801 году. До 1777 года Державин состоял на военной службе, принимал деятельное участие в подавлении пугачевского восстания и в защите немецких колонистов. В феврале 1777 года из капитан-поручиков он был переведен на статскую службу с чином коллежского советника (чин 6-го класса соответствовал по Табели о рангах воинскому званию полковника), в 1777–1780 годах служил экзекутором 1-го департамента Сената[1].

В конце 1780 года Державин поступил на службу в только что созданную Экспедицию о государственных доходах, для которой он составил инструкцию, регламентирующую ее деятельность. В 1782 году он поднялся еще на один класс по Табели о рангах — получил чин статского советника. Действовал весьма рьяно, беря на себя исполнение обязанностей менее ответственных сослуживцев, но впал в немилость у начальника, князя А. А.Вяземского: неприязнь была вызвана сатирическим портретом Вяземского, которого Державин вывел в ряду других вельмож в оде «Фелица»[2]. Обида и озлобление были малоосновательными: намеки на державинского начальника в стихотворении были всего лишь безобидной шуткой.

Вынужденный уйти в отставку в начале 1784 года, автор «Фелицы» получил следующий чин – действительного статского советника. Но уже полгода спустя он был назначен олонецким губернатором. На этом посту Державин проявил себя как ответственный и истово исполняющий свой долг администратор: лично объехал по рекам труднопроходимую малонаселенную губернию, добывая сведения для ее описания, заложил город Кемь.

Однако преданность Державина своему делу вышла за рамки служебной субординации: он провел ре-

[1] Сенат при Екатерине II осуществлял функции административного надзора и судебные функции, а 1-й департамент ведал делами внутренними и политическими.

[2] Написана в 1782-м, опубликована в 1783 году.

Андрей Ранчин, доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов). E-mail: aranchin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы самоидентификации выдающегося русского поэта Гаврилы Романовича Державина (1743–1816), занимавшего высокие государственные посты и ревностно исполнявшего свой служебный долг, анализируются сложные соотношения между социальными ролями поэта и чиновника.

Ключевые слова: Гаврила Державин, поэт и государственный служащий, власть, карьера.

визию в местных учреждениях — присутственных местах, находившихся в подчинении не у него, а у вышестоящего начальника Т. И. Тутолмина – наместника Олонецкой и Архангельской губерний. Ревизия, формального права на которую губернатор не имел, выявила многочисленные нарушения; Державин также обвинил наместника в самоуправстве. Масла в огонь взаимной вражды подлила анекдотическая история с губернаторским медвежонком, который невзначай пробрался в судебное присутствие, а один из подчиненных губернатору чиновников в шутку обратился к нему как к члену присутствия. Сторож прогнал зверя палкой. Сторона Тутолмина увидела в этой истории намеренное оскорбление суда, а «державинцы», в свою очередь, сочли оскорбительным для губернатора обращение сторожа с его питомцем. «Тутолминцы» распускали слух о рукоприкладстве горячего Державина, будто бы ударившего кого-то из чиновников. Слух не опровергнут, но и не подтвержден бесспорно.

Жалоба наместника на своего строптивого подчиненного не имела серьезных последствий: в декабре 1785 года Державин был лишь переведен в другую губернию — Тамбовскую — на такую же должность. В Тамбове он также проявил себя как деятельный администратор: способствовал улучшению судопроизводства, облегчил условия содержания заключенных, открыл и построил народное училище, богадельню, сиротский дом, театр, создал типографию (в ней стали печататься первые в России «Губернские ведомости»), учредил народные школы в нескольких городах губернии.

Однако и здесь повторилась та же ситуация: ретивый, несдержанный и неравнодушный губернатор вмешался в дела, бывшие прерогативой его прямого начальника рязанского и тамбовского наместника И.В. Гудовича. Державин самоуправно выделил деньги на закупку хлеба для армии, вмешался в дело купца Бородина и, обвинив в недобросовестности, арестовал его имущество.

Дело Державина разбирал Сенат, однако виновным его не признал. Доклад Сената был утвержден императрицей, но новое назначение отставленный от должности Державин получил только в декабре 1791 года, когда был назначен статс-секретарем императрицы с обязанностью наблюдать за законностью решений Сената. Он добился оправдания иркутского наместника И.В. Якоби, заведомо ложно обвиненного в попытке развязать войну между Россией и Китаем, расследовал щекотливое дело придворного банкира Сутерланда, связанное со взяточничеством высокопоставленных особ.

Ходатайства Державина за бедных и обойденных наградами, протесты на несправедливые судебные решения стали утомлять и раздражать императрицу. В сентябре 1793 года Державин был произведен в чин тайного советника (3-й класс по Табели о рангах) и назначен сенатором с обязанностью «присутствовать» во вновь открытой Межевой экспедиции. В январе следующего, 1794 года он был назначен президентом Коммерц-коллегии (аналог Министерства торговли) и присутствующим в Комиссии о коммерции. И вновь решительно взялся за дело: пытался пресечь ввоз контрабанды, начал расследование мошенничеств таможенных чиновников и иностранных купцов. Однако его доклады оставались без ответа, и вскоре Державину было велено никакими делами впредь не заниматься и считаться президентом Коммерц-коллегии номинально, «ни во что не мешаясъ».

В начале нового царствования он был назначен правителем канцелярии Государственного совета, но вскоре Павел I, разгневанный поступками Державина, пытавшегося взять на себя едва ли не руководство всем Государственным советом и упрямо не желавшего ограничиться одними лишь канцелярскими обязанностями, освободил его от должности, сохранив лишь место в Сенате.

И все же служебная карьера Державина продолжилась, и в апреле 1800 года он стал присутствующим в Комиссии законов. Выполнял он и ряд отдельных поручений императора Павла I. В июне – сентябре 1800 года он совершил инспекционную поездку в Белоруссию с целью остановить начинавшийся в этом крае голод. Одним из результатов четырехмесячной деятельности стало написанное Державиным «Мнение об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, об их преобразовании и прочем». Одной из державинских идей была мысль лишить иудейские общины ряда торговых привилегий и решительно ассимилировать евреев. Трактат получил противоречивую оценку. Если И. Богуславский увидел в нем проявление закоренелого антисемитизма [Богуславский, 1995. С. 155—156], то Е.Г. Эткинд, напротив, попытался доказать, что никаких признаков юдофобства в докладной записке поэта нет, и эта точка зрения представляется нам более реалистичной. [Эткинд, 1995. С. 158—162]. Меры, предпринятые Державиным, были признаны эффективными, а он сам награжден чином действительного тайного советника (чин 2-го класса, равный полному генералу) и почетным командорским крестом Мальтийского ордена. После этого в августе 1800 года Державина назначают президентом возобновленной Коммерц-коллегии, в ноябре — вторым министром при Государственном казначействе и вскоре — государственным казначеем, членом Государственного совета и 1-го департамента Сената.

После убийства Павла I офицерами-заговорщиками и воцарения Александра I Державин был уволен почти со всех постов, сохранив лишь место в Сенате, но в 1802 году был возвращен на службу, расследовал злоупотребления калужского губернатора Д.А. Лопухина. В сентябре 1802 года после образования системы министерств был назначен министром юстиции и вновь стал членом Государственного совета. Он

разработал указ «О судимых в уголовных палатах за преступление должностей чиновниках» и проект правил третейского и совестного суда. Предлагал провести реформу Сената, вернув ему законосовещательные полномочия и даровав контроль над создаваемыми тогда министерствами.

Докладные записки Державина занимают более половины почти восьмисотстраничного тома его собрания сочинений, подготовленного Я. К. Гротом [Державин, 1871. С. 41—498]. «Каждый вторник и каждую пятницу одного за другим изобличал он министров перед лицом государя: в самовольном распоряжении казенными миллионами, в заключении контрактов без торгов и публикаций, в поблажках откупщикам, в раздаче наград и чинов “по прихотливой воле каждого министра” и т. д. Правда была на его стороне, но сконфуженный государь выгораживал и покрывал своих ставленников» [Ходасевич, 1988. С. 201—202]. Недовольный либеральными реформаторскими проектами, выдвигавшимися молодым окружением царя, испортивший отношения с вельможами старшего поколения из-за непрестанной критики в их адрес и неуживчивого нрава, престарелый сановник и поэт в октябре 1803 года был отправлен в отставку. Но попыток повлиять на положение дел в армии, на внешнюю и внутреннюю политику он не оставлял почти до последних дней жизни, надеясь вернуться на государственную службу.

Своих должностей Державин добился благодаря решительности, неподкупности и честности: он не принадлежал к знати, не имел связей при дворе и редко пользовался покровительством высоких особ, о чем сам напомнил при беседе с Екатериной II в 1789 году, которую воспроизвел в своих автобиографических «Записках»: «Будучи бедный дворянин и без всякого покровительства, дослужился до такого чина, что мне вверялися в управление губернии, в которых на меня ни от кого жалоб не было» [Державин, 1871. С. 609]. Я.К. Грот, проанализировавший поведение Державина еще в годы пугачевского восстания, пришел к выводу: «На словах, в переписке своей Державин иногда, по духу времени, льстил своим начальникам, но на деле он держал себя с ними безукоризненно» [Грот, 1861. С. 159].

Служба была для него, человека в молодые и даже зрелые годы очень небогатого, единственным средством обеспечить себя[3]. Биографы по-разному оценивают деятельность Державина на государственной службе, подчеркивая либо неуживчивость, склонность к мелочной критике других, неприятие реформ [Бриллиант, 1893], либо независимость, честность администратора, многие начинания которого «оказались плодотворными» [Замостьянов, 2013. С. 345]. Екатерина II, заявившая Державину, что он нарушил кардинальный принцип «чин чина почитает» и решившая: «Пусть пишет стихи» [Храповицкий, 1901. С.175], объясняла его столкновения неуживчивым нравом, спрашивая: «Не имеете ли вы чего в нраве вашем, что ни с кем не уживаетесь» [Державин, 1871. С. 609]. Слова же Александра I, сказанные Державину перед отставкой, выглядят невольным комплиментом, а не упреком: «Ты очень ревностно служишь» [Державин, 1871. С. 821].

Существует мнение, что продвижение Державина на государственной службе объясняется высоким статусом, который приобретает поэзия в царствование Екатерины II, стремившейся играть роль просвещенной государыни — покровительницы искусств [Проскурина, 2006. С. 207—220]. Действительно, ни один поэт предшествующего поколения не сделал подобной карьеры и не вел себя столь независимо в отношениях с властью, включая прежнего любимца императрицы Василия Петрова, которому протежировал Г. А. Потемкин. Екатерина II, в связи с делом И. В. Гудовича, объясняла свое покровительство Державину-чиновнику его заслугами поэтическими, а не административными: «Статс-секретарь Александр Васильевич Храповицкий объявил ему высочайшее благоволение, что она автора “Фелицы” обвинить не может» [Державин, 1871. С. 607]. Благоприятные перемены в отношении к Державину Павла I и Александра I часто также принято объяснять реакцией на посвященные им оды. Однако назначение на высокие посты может объясняться и иначе – признанием Екатериной II и Павлом I объективности и дотошности Державина в ревизионных и инспекционных делах, Александр I возвысил его, чтобы самому лавировать между разными группами царедворцев.

Державин профессионально интересовался вопросами государственного устройства и места сословий в общественной иерархии. Об этом свидетельствует глава «О возмущениях и бунтах» в сделанном им переводе-конспекте французского переложения книги Ф. Моллета о Ф. Бэконе, принадлежащего А. Делейру [Западов, 1958. С. 45—54]; [Державин, 2013. С. 141—143, 168—170][4]. Также в его поэзии нашли художественное выражение идеологические и геополитические проекты Екатерины II и Г. А. Потемкина, например, освоение Северного Причерноморья [Зорин, 2001. С. 126—128, 130—140].

«Его чувство собственного достоинства опиралось в немалой степени на поэтические достижения. Однако при этом служба была для него отнюдь не только

---

[3] Один из показательных примеров – письмо князю А.Б. Куракину от 3 июля 1780 года с просьбой посодействовать получению места обер-директора Воспитательного дома, дающее жалование в 2000 р. в год и казенный дом [Дружинин, 2002, с. 145—146].

[4] Один из показательных примеров – письмо князю А.Б. Куракину от 3 июля 1780 года с просьбой посодействовать получению места обер-директора Воспитательного дома, дающее жалование в 2000 р. в год и казенный дом [Дружинин, 2002, с. 145—146].

источником дохода и престижа. В своих автобиографических «Записках» Державин пишет главным образом о служебных делах. К службе он относился ревностно и честно; для поэтического творчества у него оставался только досуг. В своей «Оде на Новый год» (1780—1781) он пишет: «От должностей в часы свободны / Пою моих я радость дней» [Клейн, 2010. С. 298].

Сам Державин видел именно в своих поступках — как человека и государственного деятеля — собственное нравственное оправдание, отвечая на стихи А. В. Храповицкого, обвинившего его как поэта в лести сановникам:

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

«Храповицкому», 1797 [Державин, 1957. С. 248].

Упреки поэта в лести беспочвенны: как убедительно показал В. А. Западов, «из возможных в XVIII в. позиций — сервильный стихотворец, поэт-гражданин, поэт-дилетант, вдохновенный певец-демиург — Державин решительно отвергает сервильную поэзию, пытаясь поначалу сочетать позицию поэта-гражданина с позой дилетанта» [Западов, 1989. С. 74]. Воспевание царей ни в коей мере не было проявлением сервилизма, а соответствовало представлению об особой значимости монарха в структуре общества и космоса, в «великой цепи бытия»: «Державин не случайно просит у Фелицы “наставленья о том, как щастливым на свете быть”. Царь, соотнесенный с более высокой, нежели обычный человек, ступенью Цепи, должен служить эталоном: комплименты Екатерине в таком контексте означали не лесть (чего зачастую не могли понять современники поэта), а метафизически необходимое почитание “структурно” более высокого существа» [Проскурина, 2006. С. 236].

Показательно, что поэт другой эпохи, хотя и представлявший себя преемником Державина, – А.С. Пушкин – полемически откликнулся на это утверждение устной репликой, сохраненной Н. В. Гоголем, с пушкинским суждением полностью солидарным: Пушкин «сказал так: “Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела”. Пушкин прав» [Гоголь, 1952. С. 229]. Но это взгляд уже из другой эпохи, когда литератор идентифицирует себя прежде всего со своей ролью писателя. Державин же, напротив, тематизирует, делает предметом поэзии собственную государственную службу и даже рассыпает в стихах намеки на своих недоброжелателей. Так, в оде «На счастие» (1789) он шифрует фамилию И. В. Гудовича и дает аллюзию на его украинское происхождение: «Гудок гудит на тон скрыпицы / И вьется локоном хохол» [Державин, 1957. С. 129]. Смысл насмешки — утверждение, что и ничтожество по воле провидения может приобрести влияние и казаться приятным, как скрипка в сравнении с простонародным музыкальным инструментом и как ухоженный локон в сравнении с хохлом волос. Здесь же в строках «На пышных карточных престолах / Сидят мишурные цари» [Державин, 1957. С.126] скрыт злой выпад против наместников (аналог позднейших генерал-губернаторов), к рангу которых принадлежали Т. И. Тутолмин и И. В. Гудович. Скрытый смысл обоих высказываний поэт позднее раскрыл в прозаических авторских комментариях [Державин, 1866. С. 626, 624].

В поэзии Державин впервые представляет и свой идеал вельможи:

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

«Вельможа», 1794 [Державин, 1957. С. 213].

Позднее понимание обязанностей высокопоставленного чиновника Державин выразит в незаконченном прозаическом «Рассуждении о достоинстве государственного человека» (1812): «Он должен любовью к отечеству жить, вливать ее в своих подчиненных и быть примером в ней всему государству» [Державин, 1872. С. 629].

В стихотворении «Вельможа» дан и «антиидеал» (сановник – развращенный сибарит и гедонист), отголоском которого станет образ «владельца роскошных палат» в некрасовских «Размышлениях у парадного подъезда»:

А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь,
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром!

«Вельможа», 1794 [Державин, 1957. С. 215].

Монархическое государство мыслится автором «Вельможи» как единый организм, коллективное тело: «Блажен народ! — где царь главой, / Вельможи – здравы члены тела» [Там же. С. 215]. Эта метафора встречается еще в древнегреческой литературе, в «Первом послании апостола Павла коринфянам» (12: 12—27) и римских авторов – Тита Ливия, Сенеки и Цицерона [Тит Ливий, 1989. С. 524, примеч. 74].

Пафос обличения несправедливости, творимой представителями власти, находит у Державина выражение не только в стихотворении «Властителям и судиям» (1780?) — переложении 81-го псалма, Державин в стихотворении «Радость о правосудии» (1794?) прямо осмысляет собственный долг государственного служащего как великую миссию, исполненную пророческого пафоса:

Хвала всевышнему владыке!
Великость он явил свою:
Вельмож меня поставил в лике,
Да чудеса его пою.

Пришли, пришли те дни святые,
Да правый суд я покажу,
Колеблемы столпы земные
Законом божьим утвержу.

Скажу я грешным: не грешите;
Надменным: не вздымайте рог,
В безумии не клевещите,
Несправедлив что будто бог.

«Радость о правосудии», 1794(?) [Державин, 1957. С. 217—218].

Несомненно, именно поэтический дар, родственный, в державинском осмыслении, пророческому, давал автору основание придавать своей государственной службе столь грандиозное значение. «Взяв на себя роль учителя своих читателей, настаивая на своем человеческом достоинстве и независимости своего суда над современностью, Державин прояснил тем самым ... одну важную идею, существенную для дальнейшего развития русской ... литературы, идею личной ответственности поэта за свои суждения, личной искренности, правдивости до конца» [Гуковский, 1998. С. 363].

Литература

Богуславский И. Совсем не юбилейное... // Норвичские симпозиумы по русской литературе. Т. 4: Гаврила Державин: Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. — Нортфилд: Русская школа Норвичского университета, 1995. С. 153—157.

Бриллиант С.М. Г. Р. Державин: Его жизнь, литературная деятельность и служба. — С. Петербург: Типография Высочайше утвержд. товарищества «Общественная польза», 1893. 80 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] Т. 8. — [М.; Л.]: Издательство АН СССР, 1952.

Грот Я.К. Материалы для биографии Державина. 1773–1777. Деятельность и переписка Державина во время Пугачевского бунта / Извлечено из подлинных бумаг Я. К. Гротом. — СПб.: В типографии Имп. Акад. наук, 1861.169 с.

Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века / Вступ. ст. А.Л. Зорина. — М.: Аспект Пресс, 1998. 453 с.

Державин Г.Р. Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота. [В 9 т.]Т. 3. — СПб.: В типографии Имп. Акад. наук, 1866. XXII + 784 с.

Державин Г.Р. Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота. [В 9 т.] Т.6. — СПб.: В типографии Имп. Акад. наук, 1871. XXX+ 905 с.

Державин Г.Р. Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота. [В 9 т.] Т. 7. — СПб.: В типографии Имп. Акад. наук, 1872. XX +758 с.

Державин Г.Р. Стихотворения / Вступ. ст., подг. текста и общ. ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова. — Л.: Сов. пис., 1957. 469 с.

Державин Г.Р. Рассуждение о науках, политике и морали / Публ. А. Н. Колоскова и Д. В. Ларковича // Вече: Русский журнал философии и культуры. 2013. Вып. 23. С. 140—204.

Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752—1818). М.: Трутень, 2002. 505 с.

Замостьянов А.А. Гаврила Державин: Падал я, вставал в мой век... — М.: Молодая гвардия, 2013. 445 с.

Западов В.А. Неизвестный Державин // Известия Академии наук. Отделение литературы и языка. Т. XVII. Вып. 1. — М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 45—54.

Западов В.А. Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1989. С. 56—75.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Клейн И. Русская литература в XVIII веке. — М.: Индрик, 2010. 440 с.

Ливий Тит. История Рима от основания города / Ред. пер. М.Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе; Ред. коммент. В. М. Смирнов; Отв. ред. Е. С Голубцова. Т. 1. — М.: Наука, 1989. 239 с.

Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. 343 с.

Ходасевич В.Ф. Державин. — М.: Мысль, 1988. 283 с.

Храповицкий А.В. Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. По подлинной рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указ. Н. Барсукова. – М.: В университетской типографии, 1901. 404 с.

Эткинд Е. Державин не был антисемитом (Возражение И. Богуславскому) // Норвичские симпозиумы по русской литературе. Т. 4: Гаврила Державин: Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. — Нортфилд: Русская школа Норвичского университета, 1995. С. 158–162.

GAVRILA DERZHAVIN – A POET AND A STATE OFFICIAL

Andrey Ranchin, Doctor (Philology), professor of the Faculty of Philology of Moscow State University. MV Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Lenin Hills, GSP, Moscow State University. Lomonosov, 1st building humanities faculty). E-mail: aranchin@mail.ru

Summary: The article considers the problems of self-identity apperceptions of the outstanding Russian poet Gavrila Derzhavin (1743—1816), who held high government posts (he was the first minister of justice in Russian history) and zealously performed his official duties; whilst performing the role of poet, a complex and intricate conjunction and relationship which the author analyzes. It is demonstrated that between these two roles there exists a correlation of probity and dynamic unity. Neither before nor after Gavrila Derzhavin, have any of the Russian writers were able to fully comprehended so inherent and fundamentally dynamic mission.

Keywords: Gavrila Derzhavin, a poet and a public servant, power, career.

References

Boguslavskiy I. Sovsem ne yubileynoe... [Non commemorative ...]// Norvichskie simpoziumyi po russkoy literature. T. 4: Gavrila Derzhavin: Simpozium, posvyaschennyiy 250-letiyu so dnya rozhdeniya / Pod red. E. Etkinda i S. Elnitskoy. — Nortfild: Russkaya shkola Norvichskogo universiteta, 1995. P. 153—157.

Brilliant S.M. G.R. Derzhavin: Ego zhizn, literaturnaya deyatelnost i sluzhba [His life and literary career during service]. — S. Peterburg: Tipografiya Vyisochayshe utverzhd. tovarischestva «Obschestvennaya polza», 1893. 80 p.

Gogol N.V. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]: [V 14 t.] T. 8. — [M.; L.]: Izdatelstvo AN SSSR, 1952.

Grot Ya.K. Materialyi dlya biografii Derzhavina. 1773-1777. Deyatelnost i perepiska Derzhavina vo vremya Pugachevskogo bunta [Materials for the biography of Derzhavin. 1773-1777. Activities and correspondence of Derzhavin during the Pugachev rebellion]/ Izvlecheno iz podlinnyih bumag Ya.K. Grotom. — SPb.: V tipografii Imp. Akad. nauk, 1861.169 p.

Gukovskiy G.A. Russkaya literatura XVIII veka [Russian literature of the XVIII century]/ Vstup. st. A.L. Zorina. — M.: Aspekt Press, 1998. 453 p.

Derzhavin G.R. Sochineniya Derzhavina, s ob'yasnitelnyimi primechaniyami Ya. Grota. [Writings of Derzhavin with explanatory notes Grot] [V 9 t.]T. 3. — SPb.: V tipografii Imp. Akad. nauk, 1866. XXII 784 p.

Derzhavin G.R. Sochineniya Derzhavina, s ob'yasnitelnyimi primechaniyami Ya. Grota. [Writings of Derzhavin with explanatory notes Grot] [V 9 t.] T.6. — SPb.: V tipografii Imp. Akad. nauk, 1871. HHH 905 p.

Derzhavin G.R. Sochineniya Derzhavina, s ob'yasnitelnyimi primechaniyami Ya. Grota. [Writings of Derzhavin with explanatory notes Grot] [V 9 t.] T. 7. — SPb.: V tipografii Imp. Akad. nauk, 1872. HH 758 p.

Derzhavin G.R. Stihotvoreniya [Poems]/ Vstup. st., podg. teksta i obsch. red. D.D. Blagogo, primech. V.A. Zapadova. — L.: Sov. pis., 1957. 469 p.

Derzhavin G.R. Rassuzhdenie o naukah, politike i morali / Publ. A.N. Koloskova i D.V. Larkovicha [Discourse on science, politics, and morality]// Veche: Russkiy zhurnal filosofii i kulturyi. 2013. Vyip. 23. Pp. 140—204.

Druzhinin P.A. Neizvestnyie pisma russkih pisateley knyazyu Aleksandru Borisovichu Kurakinu (1752—1818) [Unknown letter writers of Russian Prince Alexander Borisovich Kurakin (1752-1818)]. M.:Truten, 2002. 505 p.

Zamostyanov A.A. Gavrila Derzhavin: Padal ya, vstaval v moy vek... [Gavrila Derzhavin: The rise and fall during my ages ...]— M.: Molodaya gvardiya, 2013. 445 p.

Zapadov V.A. Neizvestnyiy Derzhavin // Izvestiya Akademii nauk. Otdelenie literaturyi i yazyika [The unknown Derzhavin]. T. XVII. Vyip. 1. — M.: Izdatelstvo AN SSSR, 1958. Pp. 45-54.

Zapadov V.A. Problema literaturnogo servilizma i diletantizma i poeticheskaya pozitsiya G.R. Derzhavina [The problem of literary dilettantism and the servility and poetic position of G.R. Derzhavin]// XVIII vek. Sb. 16: Itogi i problemyi izucheniya russkoy literaturyi XVIII veka. — L.: Nauka, Leningr. otd., 1989. Pp. 56-75.

Zorin A.L. Kormya dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka [Feeding the double headed eagle ...: Literature and state ideology in Russia in the last third of the XVIII - first half of XIX century]. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 416 p.

Kleyn I. Russkaya literatura v XVIII veke [Russian literature in the XVIII century]. — M.: Indrik, 2010. 440 p.

Liviy Tit. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda [History of Rome from the foundation of the city]/ Red. per. M.L. Gasparov i G.S. Knabe; Red. komment. V.M. Smirnov; Otv. red. E.S Golubtsova. T. 1. — M.: Nauka, 1989. 239 p.

Proskurina V. Mifyi imperii: Literatura i vlast v epohu Ekaterinyi II [Myths of Empire: Literature and Power in the era of Catherine II]. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 343 p.

Hodasevich V.F. Derzhavin [Derzhavin]. — M.: Myisl, 1988. 283 p.

Hrapovitskiy A.V. Dnevnik A.V. Hrapovitskogo s 18 yanvarya 1782 po 17 sentyabrya 1793 goda. Po podlinnoy rukopisi, s biograficheskoyu stateyu i ob'yasnitelnyim ukaz. N. Barsukova [Diary of A.V. Khrapovitsky from 18 January 1782 to 17 September 1793. Based on the original manuscript, with biographical articles and an explanatory decree. N. Barsukov]. - M.: V universitetskoy tipografii, 1901. 404 p.

Etkind E. Derzhavin ne byil antisemitom (Vozrazhenie I. Boguslavskomu) [Derzhavin was not an anti-Semite (Objection I. Boguslaski)]// Norvichskie simpoziumyi po russkoy literature. T. 4: Gavrila Derzhavin: Simpozium, posvyaschennyiy 250-letiyu so dnya rozhdeniya / Pod red. E. Etkinda i S. Elnitskoy. — Nortfild: Russkaya shkola Norvichskogo universiteta, 1995. Pp. 158 - 162.